

МОНАШЕСТВО В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
/Комментарии к Житию св.Мефодия/

Тибор Имрени

I

Св.Мефодий всецело принадлежит Византийскому монашеству. Несколько лет он был иноком в одном из монастырей Олимпа Вифинского и оттуда вступил на миссионерское поприще. Вот как об этом свидетельствует его Житие: "Когда же провел в том княжении много лет и увидел многие беспорядочные волнения этой жизни, сменил стремление к земной тьме на мысли о небе... и, найдя удобное время, избавился от княжества и пошел на Олимп, где живут святые отцы..."¹ Но как возникло само христианское монашество? Какой же образ жизни вели иноки на Олимпе? Что значит пострижение в монашество? Какую роль играет игумен в монастыре?, Словом, что значит быть иноком в православной церкви? Вот ряд вопросов, на которые мы стараемся ответить в этих комментариях к Житию св.Мефодия.

Аскетические устремление, такие, как девство, посты, бдения, отказ от брачной жизни, от полестей и богатства, имели место и в первые три века христианской веры; но о монашестве, как о сознательном удалении от мира в пустыню, можно говорить только с III--IV веков. Нас может удивить, почему так поздно появляются последователи св.Иоанна Крестителя в древней Церкви? Нам же хорошо известна органическая связь между древней христианской Церковью и пудаизмом, в котором монашеский, пророческий идеал был живой реальностью. Ответ в том, что христианская Церковь, в самой ее полноте, была странствующей Церковью, живущей в этом мире, но однако в "пустыне"². Эта мысль выражается писателем книги "откровение" в символе Жены: "А жена убежала

в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога"³.

Но почему пошли ветхозаветные отшельники в пустыню? Почему пошел св.Иоанн Креститель и сам Иисус Христос в пустыню? Почему Сын Человеческий допустил, чтобы диавол искушал Его сорок дней в пустыне? Потому, что пустыня является символом мира, враждебного Богу и подчиненному сатане, мира мертвого, для которого Мессия принес жизнь новую⁴. Там, в пустыне, Бог является Спасителем в самом подлинном смысле слова, без Его помощи человек осужден на погибель⁵. Он -- Спаситель ветхозаветного Израиля, странствующего в пустыне и прообразующего новозаветную Церковь.

Новозаветное монашеское настроение могло жить в мире с Церковью катакомб, а в IV веке начинается новая эра для христианства: покровительство царской власти и -- с обращением языческих масс к христианству -- ослабление аскетических идеалов. Поэтому для Церкви было необходимо укреплять ту особенность жизни христианской, которую ей необходимо было сохранить до второго пришествия Христова и которая выражается апостолом Иоанном в образе Жены, убежавшей в пустыню". Таким образом, "монашество возобновило пророческое служение древнего Израиля в Церкви и сохранило ее от того, чтобы Империя просто расплавила ее в себе"⁶. Но сами отшельники не рассматривали свое удаление от мира как протест против Церкви и сама Церковь отнюдь "не видела в монашестве явление, враждебное ей"⁷. Теократическим претензиям христианской империи монахи противопоставили благовестие о том, что Царствие Божие "не от мира сего"⁸, оно не общественное, политическое "учреждение" в истории человечества, а действительное присутствие Бога посреди людей; внутри них⁹. Однако, это Царствие Божие появится во всей своей полноте и славе только при парусии, при втором пришествии Христа-Спасителя¹⁰ и, чтобы его пророчески прообразовать, нужно жить подобно ангелов, по словам самого Иисуса Христа: "Когда

из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах"¹¹.

Родиной монашества является Египет. Обычно считают отцом монашества--отшельничества - св.Антония Великого /250--251 - 355--356 гг./. Будучи двадцатилетним юношей, находясь однажды в церкви, он был глубоко захвачен евангельским чтением о богатом юноше¹², которому Иисус сказал: "если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною". Антоний раздал свое имение и начал упражняться в аскетизме¹³. После длительной жизни в пустыне он начал собирать вокруг себя учеников, фивойдская пустыня стала заселяться отшельниками, жившими в уединенных келиях¹⁴. Конечно, нельзя сказать, что св.Антоний был самым первым отшельником в узком смысле слова. Преп.Павел и другие подвижники поселились уже раньше в фивойдской пустыне и сам св.Антоний обратился к одному из подвижников за руководством в духовной жизни¹⁵. Антоний Великий не предписывал внешних правил. Его колонии отшельников объединяли единомышленников в свободный союз под руководством св. старца, и он заботился, главным образом, о внушении искреннего благочестия. Древний вид иночества в Египте был таков. Обычно два или три ученика собирались вокруг опытного старца, живя в отдельных келиях, и эти маленькие общины -- по субботам, воскресеньям и праздникам -- встречались на совместное богослужение в центральном храме. Этот вид монашества может быть назван "полу-анакоретством"¹⁶. О св.Антонии Великом надо еще сказать, что люди всех состояний стекались к нему, и он их утверждал и давал душеполезные советы¹⁷. Вот настоящий тип старца, последователи которого отыскиваются и в наши дни в Молдавии, на Афоне или в других районах мира.

Но с умножением числа иноков возникла необходимость в правилах и учреждениях. Основателем общежительного монашества, киновитства, считается св.Пахомий /282--346 гг./. Он основал монастыри на Гавенском острове Нила¹⁸. Так возникли киновии. Они дали крепкую организацию обществу отшельников. Молитва и труд ставятся иноками в прямую обязанность. Этот второй вид иночества называется "примитивным общежитием"¹⁹, основной целью которого является именно "общее житие", общая духовность и совершенное послушание начальству²⁰.

Из Египта монашество распространилось на Синайский полуостров, в Палестину, в Сирию. Следует упомянуть и о третьем виде иночества -- это лавры. Основателями этого вида монашеской жизни были Макарий Великий /⁺383--387 гг./²¹, живший в Скитской пустыне в Египте, и Аммон, поселившийся на Нитрийской горе. В лаврах мы видим как бы соединение отшельничества с общежитием²².

Особенную роль в истории монашества сыграл св.Василий Великий /⁺379 г./ -- родоначальник малоазиатского иночества. Он был проповедником общежительного идеала, хотя не отрицал и скитского монашества, и сам создавал скиты. Однако, только в киновии он видел чистый вид иночества и в этом отношении за ним последовал Св.Феодор Студент²³. Св.Василий Великий считает несовершенным отшельнический идеал, искание личного спасения, потому что любовь "не ищет своего"²⁴. Он напоминает пример первохристианского братства в Иерусалиме²⁵. Монашество должно быть некоей малой Церковью. Он видел кругом раздор, в том числе и в среде христианской, и стремился восстановить единодушие через общую жизнь хотя бы избранного меньшинства²⁶. В "Больших монашеских правилах"²⁷ он подчеркивает теснейшую связь между любовью к Богу и проявлением любви к ближним²⁸.

В "Малых правилах"²⁹ он отвечает на повседневные вопросы иноческой жизни, доказывает, что гораздо легче жить по заповедям Священного Писания в общежитии, чем в одиночестве³⁰. Св.Василий желал видеть монастыри не в пустынях, а вблизи городов и сел³¹. Чтобы показать пример любви к ближним, все свои личные средства и доходы своей церкви он употреблял в пользу бедных. В каждом округе своей митрополии /Кесарии Каппадокийской/ он создал богадельни; в Кесарии -- гостиницу и странноприимный дом³². В одном письме, написанном к Григорию Богослову, он дает краткую характеристику монашеского идеала, побуждая св. Георгия присоединиться к нему³³. Почему должен монах отречься от мира? Потому, что человеческий ум не сможет ясно сосредоточиться на истине, не оставляя всякое мирское попечение, не освободившись от всяких мирских страстей. Однако, это отречение не столько "телесное", сколько духовное³⁴. А другое письмо, написанное неизвестному лицу о совершенстве монашеской жизни, свидетельствует о том, что для св.Василия монашеский, аскетический идеал прямо выводится из Священного Писания, и такой идеал -- в основном -- отождествляется с христианским идеалом³⁵. В этом послании, как и в "Правилах", особенно подчеркивается идеал общей жизни, монах не сам по себе господин, но дан Богом в служение братьям, в полном подчинении предстоятелю, а совместный труд настолько важен, что, если кто-то не хочет трудиться, тот и не ешь³⁶. Св.Василий обязывал иноков давать монашеские обеты³⁷. Известно, какое исключительное влияние оказал он на судьбы монашества и на Востоке, и на Западе. Вспомним преп.Феодора Студента и св.Бенедикта.

Однако, неправильно было бы думать, что св.Пахомий или св.Василий одним махом изменили судьбы иночества. Свообразие проповедуемого ими общежительного идеала заключается именно в том, что они сумели удачно справиться основы древнего иночества с идеалом киновитства³⁸. В киновиях, на Востоке продолжает

существовать особая связь между иноком и его духовным отцом, унаследованная из египетских пустынь. и это "оттеняет" личный вклад св.Пахомия и св.Василия. Разные виды аскетической жизни обнаруживаются, например, на Афоне и в наше время.

В обособленности анахоретов и иноческих обществ от Церкви скрывалась и опасность. Поэтому, после известной переходной эпохи, Церковь канонически утвердила монашество и подчинила иноков власти епископа данного церковного округа. Одна из особенностей восточного монашества состояла в том, что тут не появились ордела, не зависящие от юрисдикции местной церкви³⁹.

II

Каким был образ жизни иноков на Олимпе? Какой вид аскетической жизни они проводили? Мы постараемся вкратце ответить на этот вопрос по знаменитому труду Дворника о миссии солунских братьев⁴⁰. Древняя иноческая традиция, наличие отшельников были живой реальностью на горе. Отшельники жили в безмолвии, вне монастырей, предаваясь молитве и размышлению. В их среде нередко встречаются дары чудотворчества и пророчества. Такая подвижническая жизнь оказывала большое впечатление на народ, и они были им очень чтимы.⁴¹ На основе изложений "Дворника" можно предположить, что эта "монашеская республика" была подобна святой горе Афон в Греции.

Еще яснее вырисовывается перед нами жизнь подвижников горы Олимпа, если рассмотрим, чем она отличалась от студийного идеала. Из труда "Дворник" мы узнаем, что св.Феодор Студент подчеркивал безусловное послушание игумену, общежитие, гостеприимство, труд в пользу Церкви, перенесение преследований в защиту Христовой истины⁴². На примере их отношения к иконобор-

честву особенно ясной становится разница между двумя идеалами. Студийные иноки готовы выйти из монастырей на борьбу за правоверие. А Олимп не желает вести открытую борьбу против правительства, он предпочитает остаться вне этой борьбы и сражаться молитвой и подвижнической жизнью⁴³. Все это привело к тому, что в первой половине IX века наблюдается некоторая напряженность между этими двумя центрами византийской духовности⁴⁴. Олимп -- по своей атмосфере -- был более склонен к умеренности и компромиссу⁴⁵. Весьма вероятно, что иноки в этом опирались на древние каноны, как например, на знаменитый 4-й Халкидонский собор, по которому "монашествующие... в каждом граде и стране, да будут в подчинении у Епископа, да соблюдают безмолвие, да прилежат токмо посту и молитве... пребывая в тех местах, в которых отреклись от мира, да не вмешиваются ни в Церковныя, ни в житейския дела, и да не приемлют в них участия, оставляя свои монастыри: разве токмо когда будет сие позволено Епископом града, по необходимой надобности"⁴⁶. Вот среда, в которой жили некоторое время и солунские братья. Эта атмосфера, несомненно, повлияла и на их духовное развитие.

III

Св.Методий, согласно его житию, пошел на Олимп, "постригся и облекся в черные ризы. И повиновался спокорностью и исполнял все правила монашеской жизни, отдаваясь /чтению/ книг"⁴⁷. Если в начале этой работы мы сказали, что монашество возобновило пророческое служение древнего Израиля в Церкви, к этому, безусловно, надо добавить, что существует и "более смиренный" путь, ведущий к иночеству. А именно: сознание своей немощи. Этим объясняется тот факт, что

врата православных монастырей открыты для всех, желающих освободиться от своих грехов и посвятить свою жизнь Богу⁴⁸. Вот как об этом "более смиренном" пути свидетельствует Настольная Книга Священнослужителя в ее введении к пострижению в монашество: "Исполнение заповедей Господних -- это узкий тернистый путь к жизни вечной. Множество препятствий... встречают здесь благочестивого христианина. Тем, кто на пути веры, нравственного совершенства и любви почувствует себя немощным преодолеть эти препятствия, Церковь предлагает особые средства к победе над страстями. Эти средства состоят в принятии и исполнении обетов, которые в Евангелии предлагаются не как заповеди, но как советы для желающих преуспеть в нравственном совершенстве"⁴⁹. Подобные мысли встречаются и, например, у аввы Феодора Египетского, старец которого так его учил: "Я -- сын Адамов! подобно отцу моему, который, увидев плод, не воздержался от него, я, когда вижу плод, преподающий грехи, немедленно побеждаюсь желанием его, и вкусив его, умираю. По этой причине отцы наши убегают в пустыни и там умерщвляют лакомство, не находя той пищи, от которой рождаются греховные страсти"⁵⁰.

Постараемся представить себе жизнь и обстоятельства св. Мефодия после вступления его в монастырь по нынешней практике Православной Церкви. В число обетов, предлагаемых христианину, по словам Иисуса Христа, входят: девство /Мф. 19, 11-12/, добровольная нищета или нестяжание предложены богатому юноше /Мф. 19, 16--21/⁵¹ и совершенное отречение от собственной воли, послушание духовному наставнику /Мф. 16, 24/⁵².

Монашество имеет три степени. Степень послушника, новоначального, которого облачают в не в полное одеяние инока, а лишь в рясу и камлавку, и потому эта степень называется также рясофором. Рясофору надо утверждаться на избранном пути. Собственно иночество разделяется на две степени: малый ангельский образ и великий ангельский образ, или схема. Сообразно обетам послушания монашествующий избирает себе духовного старца и предается его воле во всем⁵³. Относительно пострижения в монашество наблюдаются нюансы в обычаях местных церквей, но в сущности это пострижение повсюду одно и то же⁵⁴.

В житии св. Мефодия мы находим прямые указания на чин пострижения: "постригся и облекся в черные ризы"⁵⁵, а в другом месте: "апостолик Николай послал за ними, ибо хотел их видеть, как ангелов божьих"⁵⁶. Сопоставим же эти цитаты с настоящим чином пострижения, как это изложено в Настольной Книге Священнослужителя⁵⁷. Игумен вопрошает пришедшего: "Что пришел еси, брате, припадая к святому жертвеннику и святой дружине сей?" Получив ответ: "желая жития постнического, честный отче", опять спрашивает: "желаеши ли сподобися ангельского образа и вчинену быти лику монашествующих?" Послушник отвечает: "ей, Богу содействующу, честный отче". Настоятель же одобряет его благое намерение: "Воистину добро дело и блаженно избрал еси: Но аще и совершиши е; добрая бо дела трудам стяжаваются и болезнию исправляются". Не довольствуясь добровольным приходом нового подвижника, настоятель приступает к его подробному испытанию. Затем раскрывает, в чем состоит совершенное житие и дает благие советы. После чтения молитв игумен, указывая ему на Евангелие, говорит: "Се, Христос невидимо здесь предстоит;

виждь, яко никтоже ти принуждает приити к сему образу; виждь, яко ты от своего произволения хочеши обручения великого ангельского образа". Это подтверждает сам постригающийся, и по повелению настоятель: "Возьми ножницы и подаждь ми я", -- трижды подает ему ножницы. Игумен постригает волосы на его голове крестообразно, произнося: "Брат наш /сестра наша/ постригает власы главы своея во имя Отца, и Сына, и Святого Духа". Пострижение волос выражает отложение помыслов, влекущих к миру. При пострижении произносится новое имя монаха. Существуют несколько традиций избрания имени: по святому этого дня или начинающееся с той же буквы, что и мирское имя постригаемого. Выбор имени зависит от постригающего, потому что оно дается в знак того, что монах полностью отрекается от мира, покорно подчиняется воле игумена⁵⁸.

При облачении нового монаха в одежды его чина игумен объясняет их духовное значение. Например, при облачении в рясу он произносит: "Брат наш /сестра наша/ облачися в ризу радования во имя Отца и Сына и Святого Духа". При облачении в мантию /паллий/ игумен говорит: "Приемлет паллий; обручение великого и ангельского образа, в одежду нетления и чистоты".

А что выражают слова писателя жития св. Мефодия "прилежания в молитвах"?⁵⁹ С большой долей вероятности, можно сказать, что этот оборот соответствует той части VII-ой главы жития Константина, где стоит: "начал /там/ жить и беспрестанно творить молитву Богу"⁶⁰. Эти слова относятся к "молитве Иисусовой", той непрерывной молитве, которую истинный инок не оставляет до последнего момента жизни согласно древней традиции нераздельной Церкви. В конце облачения монаха ему дается

вервица со словами игумена: "Брат наш приемлет меч духовный, иже есть глагол Божий, в в с е г д а ш н е й м о л и т - в е И и с у с о в о й; всегда во имя Господа Иисуса в уме, в сердце, в мысли и во устах своих имети должен еси, глаголя присно: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного"⁶¹ Такая молитва у св. отцов Церкви во многих местах называется иногда "Божественным" или "умным деланием"⁶², иногда "тайным поучением".

Принимая малую схиму, инок уже "обручается великого и ангельского образа", который есть и последняя, высшая степень подвижнической жизни. Последование этого образа походит на чин пострижения в малую схиму, но совершается с большей торжественностью, строгостью, выражающей высоту обетов⁶³. Эти обеты так строги, что архиерей, постригшийся в великую схиму, должен отказаться от епископской власти и управления и остаться до конца жизни схимником /схиепископом/⁶⁴.

IV

В житие св. Мефодия упоминается и о том, что "поставили его игуменом в монастыре, который называется Полихрон"⁶⁵ Какова роль игумена в монастыре, каким настоятелем ему надлежит быть? Несомненно, таким, который постоянно утверждает паству свою в истинной вере и в добродетелях, управляет ей, никогда не забывая о своей ответственности за нее перед Богом. Обратимся вновь к последованию чина поставления по Настольной Книге Священнослужителя⁶⁶, к моменту подавания архиереем жезла новопосвященному игумену, по окончании литургии. Архиерей произносит по книге "Чиновник" поучение об обязанностях игумена по отношению к пастве и братии, и братии -- к нему. Непосредственно же, при вручении жезла вкратце повторяет поучение следующими словами: "Прими сей жезл, им же

утверждей паству твою, да правити яко и слово имаши отдати за ю, нашему Богу, во дни суда".

Игумену следует быть ревнительным учителем для братьев во всех отношениях подвижнической жизни. Приведем знаменитые слова св.Ефрема Сприна: "Игумену надлежит быть самым сведущим и бдительным о спасении подчиненных... не приличное обличать, руководить же к лучшему. Учители показывают ученикам очертания не только букв, но и едва заметных знаков препинания, и каждому знаку назначают его место. Подобно и настоятель должен внушать братьям даже до малости все относящееся ко спасению, и обязан указывать на ожидающиеся ленивых наказания, чтоб, став стеною, отделяли они виновного от невинного. В таком случае волки, видя попечительность пастыря, побегут от стада словесных овец"⁶⁷. Быть учителем, но не только словом, но и самим делом: "Ни за что не приводит так душ ко спасению и не делает ее столько бодрю к трудам, как если найдется учитель, который проповедует добродетель самым делом, по слову сказавшего: "мене смотрите и такожде творите"⁶⁸.

Таким примером стал для нас -- вместе со своим братом Константином-Кириллом -- св.Мефодий, "учитель Словенский", проповедником словом и делом, блестящим образцом как для иноков, миссионеров, так и для ученых.

Примечания

1. Житие Мефодия. III. /Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 96/.
2. J. Meyendorff. St. Gregory Palamas and orthodox spirituality. St. Vladimir's Seminary Press, 1974, с. 12.
3. Откр. 12, 6.
4. J. Meyendorff. Ук. соч., с. 14.
5. J. Meyendorff. Ук. соч., с. 11
6. J. Meyendorff. Ук. соч., с. 16--17.
7. М.Э. Поснов. История христианской церкви. Брюссель, 1964, с. 516. Достаточно упомянуть о таких выдающихся лицах, как Василий Великий или Григорий Богослов, которые соединили в одном лице высшие монашеские и иерархические идеалы.
8. Ин. 18, 36.
9. Лк. 17, 21.
10. Мф. 25, 31.
11. Мк. 12, 35.
12. Мф. 19, 16--22.
13. См. Месяцеслов, я. 17. Настольная книга священнослужителя. Том 2, М., 1978, с. 508--511.
14. Бл. Иоанн Моск. Пуг духовный. Краткая история древнего иночества. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1896, с. XIX--XX.
15. Месяцеслов, я. 17.
16. "Semi-anachorétisme égyptien". См. введение к следующему сочинению: V. Lossky et N. Arseniev. La paternite spirituelle en Russie aux XVIIème et XIXème siècles. Les origines de la paternite spirituelle en Orient. Abbaye de Bellefontaine, 1977, с. 9--10.
17. Месяцеслов, я. 17.
18. М.Э. Поснов. Ук. соч., с. 519.
19. V. Lessky et N. Arseniev. Ук. соч., с. 21--22.
20. О том же см. еще: Rapcsányi Z. Áthosz. Gondolat, 1979, особенно следующие две главы: "Внутренний строй святой горы" и "Базилиты?". Написаны прот-м Ф. Берки на венгерском языке.

21. М.Э. Поснов. Ук. соч., с. 519.
22. Бл. Иоанн Мосх. Ук. соч., с. XX--XXI.
23. Г.В. Флоровский. Восточные отцы IV века. Gregg International Publishers LTD, 1972, с. 61--62.
24. 1 Кор. 13, 5.
25. Деян. 2, 42--47.
26. Г.В. Флоровский. Ук. соч., с. 62--62.
27. М.Э. Поснов. Ук. соч., с. 521.
28. Rapcsányi L. Ук. соч., с. 59.
29. М.Э. Поснов. Ук. соч., с. 59.
30. Rapcsányi L. Там же.
31. М.Э. Поснов. Там же.
32. Месяцеслов, я. 1. Настольная книга священнослужителя. Том 2. М., 1978, с. 448--451.
33. 2-ое послание к Григорию, в венгерском переводе, в следующем издании: A karpadókiai atyák. Szent István Társulat. Вр., 1983.
34. 2-ое послание к Григорию. 2.
35. 22-ое послание, в венгерском переводе, в том же вышеупомянутом издании: A karpadókiai atyák. Szent István Társulat. Вр., 1983.
36. 22-ое послание. 1.2.
37. Rapcsányi L. Ук. соч., с. 60.
38. См. об этом подробнее: V. Lossky et N. Arseniev. Ук. соч., с. 25, J. Meyendorff. Ук. соч., с. 77--79.
39. J. Meyendorff. Ук. соч., с. 18; М.Э. Поснов. Ук. соч., с. 525--526. См. особенно: 4, 8, 23 и 24 каноны Халкидонского Собора 451 г. в сборнике "Каноны или книги правил". Монреаль, 1974.
40. Fr. Dvornik. Les légendes de Constantin et de Methode vues de Byzance. Prague, 1933.
41. Fr. Dvornik. Ук. соч., с. 117.
42. Fr. Dvornik. Ук. соч., с. 117--129.
43. Fr. Dvornik. Ук. соч., с. Там же.
44. Fr. Dvornik. Ук. соч., с. 128.
45. Fr. Dvornik. Там же.

46. Каноны или книга правил. Монреаль, 1974, с. 53.
47. Сказания о начале славянской письменности. Житие Мефодия. М., 1981, III. /В дальнейшем: ЖМ/.
48. Berki F. Akik meghaltak a világ számára. Egyházi Krónika. XXXIV/1, с. 6--7.
49. Настольная книга священнослужителя. Том 4. М., 1983, с. 357.
50. Отечник. Bruxelles, 1963, с. 367.
51. См. и Пк. 14, 33.
52. Настольная книга священнослужителя. Том 4. Там же.
53. Настольная книга священнослужителя. Том 4, с. 358.
54. Berki, F. Ук. соч., там же.
55. ЖМ, III.
56. ЖМ, VI. В коммент. 1. к ЖМ, VI читается так: "как ангелов божьих" должны были свидетельствовать о самой высокой оценке деятельности солунских братьев папским престолом". Это, несомненно, было так. Но это выражение писателя жития непосредственно относится и к чину пострижения, где инок рассматривается как ангел, живущий на земле.
57. Том 4. М., 1983, с. 359--363.
58. Как это читается и в ЖМ: "и повиновался с покорностью". III.
59. ЖМ, II.
60. Сказания о начале славянской письменности. Житие Константина. М., 1981.
61. Настольная книга священнослужителя. Том 4. М., 1983, с. 362.
62. Как, например, у св.Ефрема Сирина. См. Творения. Сергиев Посад, 1967, 26, 55.
63. Настольная книга священнослужителя. Том 4. М., 1983, с. 363--365.
64. Там же.
65. ЖМ. IV.
66. Том 4. М., 1983, с. 356.
67. Св. Ефрем Сирин. Творения. 26, 36.
68. Суд. 7, 17. Св.Ефрем Сирин. Творения. 26, 37.